

горы, пошли Кота проводить, да на другую дорогу и вывели: не къ подземелью, а нарочно опять къ башенкѣ.

Вотъ они какіе, полосатые!

Ужъ и плуталь Коть, плуталь, только на восьмую ночь пришелъ къ подземелью.

Все, какъ водится, вышли двѣнадцать черныхъ разбойниковъ, сказали разбойники заклинаніе и скрылись.

Чучело-чумичело,
Гороховая куличина,
подай челнокъ,
заметай шестокъ!

— сказалъ Коть по-разбойничьи, и вошелъ въ подземелье.

Вошелъ Коть въ подземелье и хвостъ поджалъ.

Неласково встрѣтили Кота двѣнадцать черныхъ разбойниковъ.

— Иди, — сказали разбойники, — по добру, по здорову домой, пока цѣль, цѣль у насъ тутъ для тебя никакой корысти.

— А Зайка? — замяукалъ Коть.

— Зайка! — заартачились разбойники, — не отдадимъ мы тебѣ Зайку никогда, и выкинь ты это изъ головы вонъ, — Зайка у насъ рыбкой плаваетъ, и мы на ней всѣ женимся: такая она бѣленькая, бѣляночка.

— Ну, вы меня хоть чаемъ угостите, а я вамъ сказку скажу, — будто сдася Коть.

Согласились разбойники, велѣли самоваръ подать, а сами разсѣлись вокругъ Кота, рты разинули.

Коть пилъ въ прикуску, передыхалъ, сказывалъ.

Разсказывалъ Коть длинную исторію о какихъ-то китайскихъ яблочкахъ, запутанную безъ конца, безъ начала.

Медвѣдь, — и ходить въ нее я не велю, а не то я тебя съѣмъ.

Ума не приложить Агафья, какъ бы такъ клѣтъ посмотрѣть, чтобы Медвѣдь не узналъ. А тутъ этотъ Зайчикъ Иванычъ трется, глазъ не сводить. Подходила Агафья къ Зайчику, щекотала ему малиновый усъ, а Зайчикъ и въ усъ не дуетъ: мяучить себѣ по зайчиному — ни слова путнаго.

Выбѣжалъ однажды Зайчикъ Иванычъ на закатъ полюбоваться, а Агафья стукъ въ клѣтъ. А какъ взглянула, остолбенѣла да и ткни палецъ въ золото — и сталъ палецъ золотымъ.

Охала и ахала Агафья: какъ быть, увидить Медвѣдь — съѣсть живьемъ. Побѣжала къ Зайчику. Сидѣлъ Зайчикъ Иванычъ, напѣвалъ себѣ подъ-нось, штаны чинилъ. Выхватила Агафья у Зайчика заплатку, перевязала себѣ золотой палецъ.

Вотъ пришелъ Медвѣдь, приволокъ орѣховъ полонъ коробъ. Сѣли за столъ.

— Что это у тебя, Агафья, съ пальцемъ? — спрашиваетъ Медвѣдь.

— Ничего, — говоритъ Агафья, — набредила, вотъ и обвязала тряпочкой.

— Давай выльчу.

Поднялся Медвѣдь, развязалъ тряпку — а подъ тряпкой золотой палецъ.

И съѣлъ Медвѣдь Агафью, а косточки въ уголь бросилъ.

**

Убивалась Марья.

зѣрбиной кукушкой

— Сестры, сестрицы мои! — куковала Марья по-кукушечьи.

Такъ и проводили дни: сядуть гдѣ на крылечкѣ и сидять рядкомъ, горе горюють.

Разъ Зайчикъ лучину щипаль, самоваръ пить собирались.

А какъ примется Зайчикъ что дѣлать, такъ ужъ на цѣлый годъ надѣлаетъ: такая у него повадка.

Зайчикъ весь дворъ лучиной закидалъ.

Марья помогала Зайчику. И такая тоска на нее напала, пошла бродить по терему. Постояла, поплакала надъ костями сестеръ да и туркнусь въ запретную клѣть. И ослѣпило ее золото, да не сплеховала Марья: опустила лучинку въ золото — а лучинка, какъ жаръ, горить.

— Сестры, сестрицы мои! — все поняла Марья.

Запратала она золотую лучинку въ красный сафьяновый башмачокъ, отдала башмачокъ Зайчику, а Зайчикъ пошелъ въ погребъ за молокомъ и сунулъ башмачокъ въ свою старую норку.

Пришелъ Медвѣдь. Съли брагу пить. И все честь-честью, по-хорошему.

**
*

Пораскидываль умомъ Зайчикъ Иванычъ, горе горюя съ Марьей на крылечкѣ.

Разъ и говоритъ Зайчикъ:

— Не умѣю я по-человѣчьему сказывать, а то бы сказалъ.

Тѣмъ разговоръ и кончился.

Бродить Марья по терему, заглядываетъ то въ одну, то въ другую клѣть. И пришло ей на умъ счастье попробовать. Набрала она полонъ ротъ живой воды, вспрыснула сестрины кости — и встала передъ ней Агафья жива-живехонька.

душистый наваръ изъ чудесныхъ травъ — Козы-варенье: Коза въ этихъ дѣлахъ большой мастеръ.

Потомъ мы пробовали примѣрять всякіе звѣриные наряды, повнесенные Козой изъ кладовыхъ, гдѣ не мало всякаго добра хранилось въ кованыхъ устюжскихъ сундукахъ. Но звѣринья платья были пересыпаны отъ моли какимъ-то такимъ ѣдкимъ табакомъ, отъ котораго закружилась голова, и рухлядь унесли обратно.

Вечеръ прошелъ въ разговорахъ.

Коза долго толковала намъ, какъ итти, и что дѣлать, и чего не дѣлать, но мы, хоть и внимательно слушали, да какъ-то все изъ головы само собой вылетало. И когда она кончила свои наставленія, мы поклялись, что исполнимъ ея козиный завѣтъ и ничего не будемъ дѣлать, чего не надо дѣлать, а всегда будемъ дѣлать то, что слѣдуетъ дѣлать, — и въ подкрѣпленіе своихъ словъ съѣли по комочку земли. И Коза тоже съѣла немножко.

— Всѣ дороги ведутъ къ Морю-Океану, — сказала Коть, одобрявъ Козы-науку, — но есть три главныхъ пути: первый путь лежитъ волшебными странами, второй путь лежитъ широкими рѣками, третій путь лежитъ лѣсами, болотами, полями и рѣчками.

— Мы пойдемъ волшебными странами!

— Я такъ и зналъ, — Коть съ досады заходилъ по башнѣ и закурлыкалъ жалобно, — нѣтъ, невозможно, такъ вы пропадете. Первые два пути для васъ закрыты: чтобы итти волшебными странами, надо умѣть ходить широкими рѣчками, а до широкихъ рѣкъ надо пройти еще долгій путь, и безъ меня вамъ однимъ не справиться. Остается третій путь, по которому вы и отправитесь.

— А когда же волшебными странами?

надо привыкнуть, Это совсѣмъ не люди, только не бойся.

И, крѣпко притиснувшись другъ къ другу, мы выснулись изъ волчиного окошка вотъ на столечко.

Мѣсяць низко спустилъ рога и было видно, какъ днемъ.

Самоглотъ дрыхъ на курганѣ — на какой-то «шведской» могилѣ, а отъ могилы весь поемный берегъ до самой рѣчки раззыбался, кишла киша нечистью.

И кого только не было: домовые, домихи, гуменные, банные, лѣсунки, лѣсовые, лѣшіе, листотрясы, корневые, дуляные, моховые, полевые, водяные, хлѣвники, чужаки, наброжіе и обломъ, костоломъ, кождеръ, тяжкунъ, шатунъ, хитникъ, лядащикъ, голохвость, ярунь, долгоносикъ, шпыня, куреха и шептунъ со своею шептухой.

Одни пыжились, словно куры при сноскѣ, и топорились и тарачились, другіе все въ припрыжку — и тряслись и качались, черно-кровные, черно-мазые, захлащевые, забубенные, игрунки, скакунки, хороводники, третьи тихіе — тихоногіе — трава подъ ними не топчется, цвѣты не ломаются! — и полозомъ ползли вислогубые, вислоухіе, тонконогіе, и подземные изъ подземныхъ сырыхъ норъ.

Весна всѣхъ выгнала — весна вьманила изъ зимнихъ закутъ — закружила — не снится, все манится.

Коротала нечисть весеннюю ночь. Съ чего началось, неизвѣстно, да разговоръ у нихъ ни съ чего и не начинается.

Лѣсовой хвалилъ лѣсъ:

— Хорошо въ лѣсу, — шумѣлъ Лѣсовой, такъ еловыя шишки шумять, — хорошо и легко. Ауку знаете? изба у него съ золотымъ мхомъ, вода у него круглый

годъ отъ весенняго льда, помело у него — лапа медвѣжья, бойко выходитъ дымъ изъ трубы и въ морозы тепло. А сосѣди Ауки — лѣсавки: старики и старушки, въ прошлогоднихъ листьяхъ сидятъ, а какъ осень подходитъ, завидятъ осеннія звѣзды, схватятся за руки, скачутъ по лѣсу, свисаятъ на весь лѣсъ. Листинь-слѣпышка весь въ листьяхъ, шуршитъ. Залѣсная баба — безрукая, а такъ и воровитъ тебя сцапать, худа, какъ былинка. А за озеромъ въ черничномъ бору Боли-бошка. А за лѣвивымъ болотомъ Болотняникъ. А за березовымъ лѣсомъ вѣдьма Рогана: ночью ходитъ Рогана по лѣсу въ звѣнкѣ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ, кукуетъ, А о лютомъ звѣрѣ Корокодилѣ я ничего не знаю.

Потрескивалъ перелетный огонекъ: то вспыхнетъ, то погубится змѣйкой.

— Я Коровья-нога! — облизнувшись, сказала забубенный, — есть звѣрь котъ-и-левъ, есть онъ звѣрь самый страшный, усатый, а корокодилъ... я ничего не слышалъ.

— А у насъ совсѣмъ по-другому, — пропицалъ Долгоносикъ, — насъ у Адама было дѣтей много. Разъ на Пасху приказалъ Богъ Адаму вывести всѣхъ насъ себѣ на показъ. Адамъ постѣснялся: совѣстно тащить такую ораву! — и взялъ съ собой только старшихъ — Кавелей, а мы дома остались. Мы и есть скрытые домашние дѣти Адама.

— А мы падшіе духи, — прошипѣлъ тихоногій, — были мы очень надоѣдливы, дѣла не дѣлали, ходили по пятамъ за Богомъ, скулили, Онъ насъ и турнулъ съ неба.

— А мы бывшіе ангелы, погналъ насъ архангелъ. Сорокъ дней мы летѣли и, кто куда попалъ, тамъ и остался! — ввернулъ бывший ангелъ, ни на что непохо-

а на вѣш-
нбой свѣ-
къ змѣй
Куриная,
пескомъ
пистаетъ

Злазика

нубъ, шарахнулся, а за нимъ стреконулъ звѣрь прыскачій — сошла бѣда съ рукъ!

Лѣсъ истязный — ровный, безъ сучьевъ. Много въ ночи по небу Божихъ огней. Корни ногъ не трудять. Ходовая тропа. Путь способный.

— Помнишь ты или не помнишь, — сказалъ ангель безугрозницѣ Лейлѣ, — а когда родилась ты, Богъ прорубилъ вонъ то оконце на небѣ: черезъ это оконце всякій часъ я слѣжу за тобой. А когда ты умрешь, звѣзда упадетъ.

— А я хотѣла бы... мученицей! — задумалась Лейла.

Рѣже лѣсъ становился. Открывалась поляна. Ночь уходила и звѣзды. Падала роса на цвѣты.

И разомкнулась заря.

— Мнѣ пора, — сказалъ ангель, — насъ триста солнце поворачиваемъ, а ужъ заря.

И неслышно по быстролетному облаку отлетѣлъ тихій ангель.

Разсыпались просомъ лучи по травѣ.

СПОРЫШЪ

Съ первымъ цвѣтомъ, опавшимъ съ яблонь, спало съ пѣсенъ унывное «ледю», и съ лѣнивыми тучами знойное упылыло купальское «ладо».

Порастерялъ соловей громкій голосъ по вишеньямъ, по зеленымъ садамъ. Прощумѣло пролѣтъе. Отцвѣли хлѣба. Шелковая, разстала жемчужную росу, свивалась день-ото-дня трава съ травой. Покосили на сѣно траву. Стоитъ теплое, сжогено въ стоги — въ ширь широкіе, въ высь высокіе — у веселой околицы. Прошла страда сѣнокосная. Затупилась коса, стрекотомъ — звонкая! — разбудила за лѣсомъ красное лѣто.

Въ красномъ золотѣ солнце красно — ^{кѣ}лѣто-огненно пышетъ. Облака, набѣгая, полднемъ омѣли: не одолѣть имъ полдневнаго жара. И тѣ бѣлыя вечеру — алы, и тѣ темныя вечеру — розы. Лишь въ лѣсной одинокой тѣни листьями шумить береза, бѣлая, вѣть, нагибана вѣтви.

Буйно ядрено го-осистое жито. Усать ячмень. Любо глянуть, хорошо посмотрѣть. Урожай вышелъ полонъ.

Стоя, поля задремали.

Пришла пора жатвы.

Тихо день коротается къ вечеру. Къ западу двинулось солнце — и померкаетъ. Затихаютъ багряны шаги.

Поле проходимъ, другое проходимъ. Надъ дремлющимъ полемъ во всѣ пути по небеснымъ дорогамъ разсыпаетъ ночь серебряный звѣздный горохъ.

— Здравствуйте, звѣзды! —

Видная ночь. Земля растворяется.

— Ты Ночку-темную видѣлъ: гдѣ ея домъ?

— За лѣсами, Лейла, за тиновой рѣчкой Стугной — тамъ, гдѣ боръ шумитъ.

— Она — что же?

— Она въ черномъ: перевивка на ней золотая, пересыпана жемчугомъ. Она легче пера лебединаго.

— А гдѣ буря живетъ?

— Буря въ пещерахъ: ее, когда надо, вызываютъ крикомъ хищныя птицы.

— А хищныя птицы, какія?

— Черноперыя — красные когти, а прилетаютъ изъ подземнаго царства.

— А радуга?

— Радуга собираетъ воду.

Ночь смѣнилась сѣрымъ утромъ.

Изъ сырой земли, какъ изъ теплаго гнѣзда, закру-
бился парь.

Красный слѣдъ Леравицы мелькнулъ въ дверяхъ.

Воронъ, перелетывая съ вѣтки на вѣтку, все ус-
мѣхался, вѣщій, граючи, каркалъ.

Странникъ тихо лежалъ: охолонулъ, безприклад-
ный.

Вышелъ изъ-подъ лавки Лизунъ толстомаясый —
пятки прямая, животъ наоборотъ: походилъ по гор-
ницѣ, понюхалъ и спрятался.

А мы все молчкомъ обмалчивались: собирали сум-
ки — снаряжались въ путь.

Пришла на заднихъ лапкахъ собачка: на собачкѣ
зеленый колпакъ въ кружочкахъ. Напила чаемъ, во-
ровато сунула сухариковъ въ сумки:

— Берите!

Топъ копытомъ — конь потѣлся самъ Унеси-го-
лова.

Пожурилъ конь собачку, что коровы прожорливы
стали: солому подѣли сѣно подобрали. Потомъ къ
намъ обратился: подарилъ намъ сушеный «медвѣжій
глазь» на веревочкѣ.

— Станетъ страшно, — сказалъ конь, — надѣнь, и
страха какъ не бывало.

Даль поддержать въ рукахъ Мечъ-самосѣкъ.

Подержали мы Мечъ-самосѣкъ, поблагодарили ко-
ня за медвѣжій глазь, ну, и въ дорогу.

Собачка махала намъ лапкой.

— А Пузырь «съ клещами да съ жалами» померь!
— моталъ головами конь-двуголовый, провожая насъ
въ сѣни.

И мы пошли себѣ дальше.

Старая застилась лапкой.

— Тетушка, сколько цвѣточковъ на полѣ!

Старая думала думу: голубѣло подь носомъ то-
кое болото.

Мышки притихли — согнулись.

— Чего вы тутъ шляетесь! — окрикнула Носатая
птица.

Большія были передряги въ болотѣ. Ползкомъ
ползли мышки.

— Мы только въ замокъ, — шептала Алишка: ко-
лотилось у мышекъ сердечко.

— А! такъ вы въ замокъ... — разинула клювъ Но-
сатая птица.

Едва улизнули отъ Птицы.

— Наказаніе съ тобой, — ворчала Алишка, осту-
палась о кочки.

Въ тревогѣ достигли мышки дремучаго лѣса.

Откуда ни возьмись Коза-золотые-рога.

— Куда, — говоритъ, — вы, мышки, путь дер-
жите?

Сѣли мышки въ холодокъ подь кустикъ, все Козѣ
разказали.

— Ну, идите, Богъ съ вами, только моихъ козля-
токъ не трогайте! — погрозила Коза пальчикомъ.

— Да ужъ не тронемъ, что ты, Коза! — въ го-
лосъ сказали мышки, попрощались съ Козой и пошли
дальше.

А дальше лелѣялась быстрая рѣчка.

Сѣли мышки въ лодочку, поѣхали. Ъхали, мочи-
ли въ водѣ лапки, перемигивались съ рыбками.

Хорошо на рѣчкѣ, вода студеная, любо поплавать
подь солнышкомъ.

Непремѣнно рѣшили мышки выкупаться.

на безъ Сна близко подходить къ ней и разговариваетъ. Макина голоса никто не слышитъ, одна Саша, а то, что говорить съ Макой Саша, хоть и всѣмъ слышно, но ни слова понять нельзя, слова какія-то... не-русскія.

Если что Сашѣ очень по-сердцу, про то она говорить, что оно «макое»: мама — макая, тетя Лена — макая и коза Машка — макая и дядя Миша, если поетъ и когда привозитъ изъ города шоколаду, тоже макой.

Дружба съ Макой, водой не разольешь. Свиданія часты.

— Лена, — говорить Саша, прекращая игру или прерывая какой-нибудь занятный рассказъ, — я пойду къ Макѣ.

И подымается на другой конецъ дома въ другую башню, гдѣ хранится фамильный архивъ и библіотека, и гдѣ жилъ когда-то дѣдушка Александръ Павловичъ.

Тамъ живетъ Мака.

**

Сашѣ три года — три тысячи, а можетъ, трижды три тысячи, годами свой вѣкъ Саша не мѣряетъ.

Она думаетъ, что испоконъ вѣку жила въ башнѣ, что она внучка не бабушки Натальи Ивановны, а тети Лены, и считаетъ себя большой и старой, старѣе всего рода Задоръ и старше тетюшки, а тетюшкѣ не подь сто, а шеснацать, а можетъ быть, и меньше.

Саша часто подымается въ Макину башню.

Башня ветхая, мышей много: и въ библіотекѣ и въ архивѣ есть что погрызть, и онѣ днемъ и ночью скребутся.

Тамъ разговариваетъ Саша съ Макой, тамъ каралить сѣренкихъ мышекъ и радуется, когда, не боясь

ея глазъ, подходить какая-нибудь совсѣмъ близко и умывается лапкой.

Въ дѣдушкиномъ кабинетѣ висятъ портреты: одинъ, когда дѣдушка былъ молодой — въ военной формѣ, и потомъ совсѣмъ старымъ, съдой съ большой бородой, а глаза синіе, какъ у Саши.

Саша дѣдушку знаетъ, она дѣдушку видѣла: однажды Сонь приволилъ его ночью къ кроваткѣ. Дѣдушка сказалъ Сашѣ, что черезъ полтора года совсѣмъ къ ней придетъ. И, забѣгая въ кабинетъ, Саша все ждетъ: не придетъ ли дѣдушка?

Мама рассказываетъ Сашѣ чудесныя сказки: про старика и старуху и про золотую рыбку — про старика и старуху, которые жили у самаго синяго моря; про кота въ сапогахъ, про мальчика-съ-пальчика, про лисичку-сестричку и про царевну-лягушку.

— Хочешь, мама, я расскажу тебѣ сказку! — вызывается Саша, когда мама кончить.

— Ну, расскажи.

И Саша рассказываетъ свою коротенькую:

Жили мужики,
ловили рыбку,
ничего не поймали!
и спать легли

Вотъ и вся сказка.

Есть и другая — хитрая «о пѣтушкѣ и медвѣдѣ»: какъ пѣтушокъ съѣлъ медвѣдя.

Саша часто проситъ маму рассказать ей, какая она была, когда была маленькая.

— Когда я была маленькая, я была большая ша-луня, — въ сотый разъ рассказываетъ мама, — поставили однажды самоваръ на табуретку и всѣ ушли. От-

ВЕРБА

Ужъ заря, золотясь, осыпается розами въ рѣку. Отошли дни-потемы, погасли всполохи. Ужъ по зарѣ златорукое солнце возноситъ руки надъ міромъ, загноное, нѣтъ ему облака, чтобы закрыться — захватить все небо. Небо обняло землю — горячо обнимаетъ. И земля привялась за свой родъ.

Первая — верба.

Верба, еще изъ-подъ снѣга, распушивъ алія гибкія лозы, тихо подымаетъ вѣтки — и сѣдя пушистыя вѣи озолотились слезами. И куда ни пойдешь и куда бѣ ни взглянулъ, встрѣтишь вѣстницу мая — печальную вербу.

«Я — послѣдній и самый любимый, рожденный въ Купальскую ночь, расскажу о моей матери Вербѣ. Моя рѣчь невнятна — я долго молчалъ; мои слова странны — я очень старъ. Я не помню, какъ это было — мои руки сухи, мои пальцы вялы, а у моей матери руки были влажны, пальцы крѣпки. У меня было много братьевъ, сестеръ, сестеръ-братьевъ; всѣ они были старше и разбрелись по землѣ, кочуя до самаго края. Ихъ было такъ много — ихъ было больше, чѣмъ звѣздъ на небѣ. Я помню: мои ноги быстры и легки, а во лбу свѣтицвѣтъ купалы. «Ты засвѣти свой цвѣтъ, Купало!» — сказала мнѣ мать. Мы шли, искать новую землю: на старой намъ стало тѣсно. Мы шли долго въ ночи, раскапывали пальцами землю — гадали о будущихъ дняхъ. Черная, сбросивъ бѣлые снѣги, земля лежала подъ нами и тая, дымилась, а въ ея черномъ сердцѣ зависть

— Я Баба не простая, я Каменная баба, — провѣщилась Баба, — много вѣковъ стою въ вольной степи. А прежде у Бога не было солнца на небѣ, одна была тьма, и всѣ мы въ потемкахъ жили. Отъ камня свѣтъ добывали, жгли лучинку — трудно, Богъ и выпустилъ изъ-за пазухи солнце. Диву дались, смотримъ, ума не приложимъ. Повыносили мы рѣшета, давай набирать свѣтъ въ рѣшета, чтобы нести въ ямы. Ямы-то наши земляныя безъ оконъ. Подымаемъ рѣшето къ солнцу, наберемъ полнымъ-полно свѣту, черезъ край льется, а только что въ яму — и нѣтъ ничего. А солнце все выше, припекать стало. Притомились мы сильно, а не удержать свѣта. А солнце жжетъ, хоть полѣзай въ воду. Схватило за сердце, и начали мы плевать на солнце. И вдругъ превратились въ камни. Все видимъ и ничего не можемъ: камни.

Высокая шапка на Бабѣ закачалась и руки, сложенные на животѣ, поднялись къ каменной груди.

— Да вотъ тоже, все-то бродите, знаю васъ, не въ первой вижу, съ Волхомъ рыскали въ степи, помню... Въ Зеленый великъ-день земля именинница, не скачите, не кувыркайтесь, не стучите, а встаньте по-раньше да поцѣлуйте мать-землю, поздравьте! Да еще животныхъ, скотовъ не обижайте, коней, оленей кормите, поите, приглядывайте...

— Баба! Скажи намъ, ты насъ видѣла, ты насъ знаешь: дойдемъ мы до Моря-Океана?

Но Баба ничего не сказала — смотрѣла въ ночь: камень.

А по небу звѣзды серебромъ висли — искали золотые ключи отъ зари.

СКРИПЛИКЪ

Я не знаю, слышали ли вы или кто изъ васъ видѣлъ — идете вы лугомъ, вьются-рекозятъ стрекозы, вы наклонились — тише! въ стрекоземъ кругѣ на тоненькихъ ножкахъ, сухой, какъ сушка, самъ согнулся, въ лапочкахъ скрипка —

Или на теплой вечерней зарѣ, когда жудятъ жуки, идете на жундъ — въ жуковомъ вьонѣ мордочку видите? Тшь! — скрипочка пилитъ жукомъ и въ тактъ хохолать два хохолка —

И въ лѣсу посмотрите, откуда? — пичужки чувырчуть — листъ не шелести! — въ листьяхъ межъ птичекъ со своей скрипкой, узнали? — да, это скрипликъ.

Всѣ его знаютъ — и звѣри и птицы, всякій жукъ зоветъ:

— скрипликъ —

Учить скрипликъ на скрипкѣ пѣнію птицъ, стрекозъ рекози, ремезовъ ремези, жуковъ жунду, кузнечиковъ стрекоду, а зайчатъ мяуку, а лисятокъ лаю, а волчатъ вою, а медвѣдевъ рыку.

Въ лугахъ всякая травка ему шелковитъ, въ лѣсу свѣтитъ свѣтлякъ.

Хорошо по веснѣ, когда птицамъ слетаться въ старья гнѣзда — идетъ мордочкой къ солнцу со своей со скрипкой, не забудетъ, обойдетъ онъ всѣ гнѣзда, кочки, норы, норки, берлоги: скоро пойдутъ у звѣрья и птицъ дѣти, надо учить.

Я не знаю, слышали ли вы ^{или} кто изъ васъ видѣлъ — учатся звѣри и птицы и всякій муръ и стрекоза, какъ учится и человѣкъ.

ХОВАЛА

Наволокло — небо нахмурилось.

Подымалась гроза, становилась изъ края въ край, закипала облакомъ — и вдругъ поднялись вѣтряники, полетѣли съ горъ, нагнали вѣтеръ и вихорь — вихри воюють! — и, гремучая, угрюмо прошла стороной.

Не пропустило дождемъ — и осталась земля не умытая, не напоена.

Не переможешь жары, некуда спрятаться.

Ходило солнце по залѣсью, сушило въ саду шумливую яблонь, а въ полѣ цвѣты. И жаркое сѣло.

Угрѣвный день смѣнился душной ночью. По топучимъ болотамъ зажглись свѣляки, а на небѣ красная звѣзда — одна — вечерняя.

Поднялся Ховала изъ теплой риги, поднялъ тяжелыя вѣки и, ныряя въ гяжелыхъ склоненныхъ колосьяхъ, засвѣтилъ двѣнадцать каменныхъ глазъ, и полыхаль.

И полыхаль, раскаляя душное небо.

Тамъ пожаръ — тамъ разломится небо — и покончится бѣлый свѣтъ! Пустить бы голосъ черезъ темный лѣсъ — не слышать. Да и нѣтъ такого голоса.

И куда-то скрылся Вындрикъ-звѣрь — Вындрикъ-звѣрь мать звѣрямъ. Или землю забылъ? А когда-то въ засуху копаль рогомъ коляную, выкопаль ключи, пустил воду по рѣкамъ, по озерамъ.

Или пришло послѣднее время: хочеть звѣрь вернуться?